

НИКОЛАЙ ПИРОГОВ

БЫЛИ ЛЮДИ...

Разговор с героем Великой Отечественной войны

Узнал совершенно случайно, что в Зеленограде живёт участник Великой Отечественной войны Василий Иосифович Чернов. Сам факт, что можно встретить ветерана той войны, – уже не рядовое явление, а, можно сказать, большая редкость. Действительно, чтобы успеть поучаствовать в войне, нужно хотя бы к её концу, к 1945 году быть восемнадцатилетним. И даже этим, самым молодым защитникам Родины сейчас стукнуло почти 90 лет. А продолжительность жизни мужчин в наше время – 66 лет. Это у тех, которые жили, в основном, в нормальных человеческих условиях, при неплохом питании, умеренных стрессах и, конечно, не воевали.

А тут просто чудо какое-то: сражавшийся с самого начала войны, да не просто её участник (писари, снабженцы, парикмахеры – тоже участники, ведь и они нужны на войне), а активный, ходивший в атаки и отбивавший их, выдержавший нечеловеческое напряжение первого периода немецкого нашествия и живой до сих пор! Да не просто живёт, а активно работает, написал ряд книг о том далёком героическом периоде. Родился в 1923 году, значит сейчас ему хорошо за 90. С нетерпением ждал встречи с этим человеком.

Надо сказать, что моё отношение к солдатам Великой Отечественной – трепетное, особо уважительное. И этому есть причины. “Дети войны” – это и про меня тоже. Помню бомбёжки Москвы осенью 1941 года, облёт нашего поезда с эвакуированными из столицы детьми самолётами с крестами на крыльях, ужас взрослых, ожидающих от стервятников смертельного удара. Но тогда почему-то всё обошлось. Помню много других неприятностей, что принесла война: голод, гибель близких, нищету, сверхнапряжение людей, отдававших, как говорили тогда, “всё для фронта, всё для победы”.

Не забыть день 5 августа 1943 года, когда принесли похоронку на моего отца, политрука отдельного танкового батальона, погибшего в сражении на Курской дуге под Орлом. Было ему 26 лет. И надо же, в тот же день был дан салют за взятие Орла и Белгорода. С этого началась традиция салютовать войскам-победителям, освобождающим от фашистов крупные населённые пункты. Рыдала мать, плакала прабабка, утирали слёзы сёстры отца. Я не плакал, мне не верилось, что отца теперь нет. Я его видел за 2 месяца до этого – молодого, щеголеватого, улыбающегося, в ярко начищенных сапогах. Его эшелон остановился где-то под Москвой, и он заскочил к нам буквально на час. Довелось мне видеть и пленных немцев, огромную колонну которых (тысяч 50-60) провели в июле 1944 года по Садовому кольцу.

Но главная память о войне – возвращение победителей, сломавших хребет самой сильной, жестокой и бесчеловечной армии, когда-либо существовавшей на земле. Это были обычные люди, весёлые, сильные, уверенные в себе, ощущавшие себя работниками, сделавшими трудную работу.

И вот сидит передо мной один из тех воинов-победителей. Беседуем в городской библиотеке. Рядом – две Натальи, Шумилова и Суета, симпатичные молодые ещё женщины, организовавшие эту встречу. Я готовился к разговору. Прочитал внимательно три тома книги В. Чернова “Долг”. Собственно, им-то я и обязан знакомством с автором, охватившем меня восхищением этим человеком и желанием с ним встретиться.

Чернов Василий Иосифович

Звание: капитан, командир батареи 120 мм миномётов 1266 стрелкового Мазурского полка 385 стрелковой Кричевской, Краснознамённой, ордена Суворова 2-степ. дивизии 49 армии 2 Белорусского фронта.

Представляется к присвоению звания Героя Советского Союза.

Год рождения – 1923, **национальность** – русский, **чл. ВКП/б** с 1943 г.

В гражданской войне не участвовал.

На фронтах отечественной войны с 4.1942 г. по 4.1944 г. Западный фронт и с 4.1944 г. – 2 Белорусский фронт.

С какого времени в Красной Армии с 4.7.1941 г.

Каким РВК призван: Будённовским РВК Ставропольского края.

Чем награждён Орд. Кр. Звезды пр. 385 № 04/н от 25.1.44 г. орд. Отеч. войны I степ. пр. по армии № 026/н от 5.8.1944 г. и Орд. Александра Невского пр. по армии № 010/н от 11.6.1944г. Орд. Отеч. войны 2 степени пр. 70 ОК № 019/ от 8.4.1945 г.

Краткое конкретное изложение боевого подвига или заслуг:

“14.4.1945 г. тов. Чернов организовал самостоятельную переправу. В числе первых форсировал реку Одер вместе с материальной частью и занял ОП в районе огневых позиций 82 мм миномётов. ВП тов. Чернова находилось вместе с командирами строевых взводов. Благодаря правильной корректировке огнём миномётов своей батареи в начале боя был уничтожен вражеский пулемёт вместе с расчётом, мешавший продвижению нашей пехоты.

При смене полка остался добровольно в распоряжении 238 од, где огнём батареи уничтожил 3 пулемётных точки противника с их расчётами и помог вытащить из воды утопающего офицера. При выходе дивизии остался в распоряжении 139 сд, в боях с этой дивизией уничтожил 2 пулемётных точки противника. За всё время боёв огнём батареи уничтожено до 100 фашистских солдат и офицеров. Бессменно, в течение 8-ми суток тов. Чернов, находясь в исключительно тяжёлых и сложных боевых условиях, проявил подлинный героизм, презрение к смерти и исключительную выносливость, что служило ярким примером для всего личного состава полка.

С апреля 1942 г. вместе с дивизией прошёл весь боевой путь, не раз приходилось самому из орудий расстреливать в упор контратакующих немцев.

За умелое командование в бою и проявленные при этом бесстрашие и героизм достоин Правительственной награды – присвоения звания Героя Советского Союза.

Командир полка
Подполковник /Солдатов/
8.4.1945 г.”

Высшее начальство, однако, решило наградить В. Чернова не Звездой Героя, а орденом Боевого Красного Знамени.

О войне я читал много книг, бесед с участниками войны также имел немало. К тому же военное дело в институте, где я учился, преподавали нам, будущим лейтенантам запаса, недавние фронтовики. Война закончилась всего-то 10 лет назад, и впечатления о ней были свежие и незабываемые. Всё это, конечно, формировало вполне определённое представление о всех нюансах того трудного периода в жизни нашей страны. В советское время о вой-

не написано много хороших, правдивых книг. Кажется, трудно чем-либо удивить, какие грани и неизвестные ранее подходы к оценке военных событий, поведению людей, их взаимоотношений в смертельно опасных боевых условиях можно показать по-новому.

А мемуары В. Чернова такое знание дают. Геройство геройством – без этого не было бы победы! – но Василий Иосифович практически постоянно подчёркивает, что война – это работа, это тяжкий труд, сродни труду пахаря в страду, когда кости трещат от напряжения, жилы натянуты и, в отличие от мирного времени, безделье, безалаберность, леность могут привести к поражению. И никакое геройство при этом не поможет. В. Чернов пишет, что для успеха в бою артиллерийские лошади должны быть накормлены, ухожены, чтобы, когда нужно, смогли выдержать повышенные нагрузки. А чтобы вообще сохранить лошадей как тяговую силу, – а без них пушки лишены манёвра и почти бесполезны, – бывает, что их нужно укрывать в окоп, вырытый по полному лошадиному профилю. Для измотанных обессиленных бойцов, которм и для собственного укрытия требуется отрывать щели, это тяжёлый, но крайне необходимый труд.

В заботы командира входило и обеспечение животных кормами. Если это лето, то в паузу между боями изволь заготовить сено. Косами-литовками не намашешься, нужны сенокосилки. А их никто тебе не припас. Доставай сам и работай. Организация быта личного состава – задача не из лёгких даже в мирное время, а в войну – втроекратно усложнённая, ведь враг стреляет, бомбит, атакует. У кого-то представление о траншеях и окопах – только как о сооружениях для укрытия от огня противника. Но нужно ещё предусмотреть и устройство мест хранения продуктов, боеприпасов, да не забыть соорудить самый обычный туалет, и не за тридевять земель от позиции, а на минимально-разумном расстоянии. И все эти проблемы В. Чернов описывает со знанием дела, как человек, много раз лично их решавший. Такое не забывается.

Мне посчастливилось присутствовать в 1965 году на встрече Г. К. Жукова с преподавателями и аспирантами АОН при ЦК КПСС. Маршал практически впервые появился на публике после хрущёвской опалы. Ему задали вопрос: “Какие принципиальные отличия между организацией проведения военной операции и решением какой-нибудь крупной хозяйственной задачи?” Маршал был категоричен: “Таких отличий нет”. И, помолчав, добавил, что в обоих случаях требуется проводить необходимые расчёты, обоснования, а затем строжайшим образом контролировать исполнение, оперативно реагируя на возникающие по ходу дела трудности. Ещё помолчал и сказал: “Есть одно отличие: на войне за ошибки расплачиваются кровью”. Это понимание цены командирской ошибки очень хорошо усвоил молодой Вася Чернов, старавшийся не допустить просчётов в работе.

Личная встреча с В. И. Черновым подтвердила моё представление о нём, сложившееся по книгам, где описывается его облик, даются фотографии, в том числе и последних лет. Намного выше среднего роста, плечистый, сухощавый, осанка прямая, круглое лицо, на удивление без морщин, уже нет чёрной курчавой шевелюры, обесцветились брови. Тонкие губы, ещё способные сурово сжиматься, и карие, живые, заинтересованно смотрящие на собеседника глаза. Как-то не верилось, что в таком возрасте человек сохранил способность к активному общению, может шутить, иметь чувство юмора.

Спрашиваю, как вы относитесь к Сталину, как оцениваете его роль в войне и вообще – как лидера государства? Вижу, Василий Иосифович напрягся, и мне понятно было его состояние. Абсолютное большинство воевавших, да и просто живших в сталинскую эпоху, несмотря на все жестокости того времени, которые, без сомнения, имели место, относятся к Сталину положительно.

Василий Иосифович знал, конечно, мнение либералов, которое коротко формулировалось так: “Войну выиграл народ и не благодаря Сталину, а вопреки ему”. Мне не единожды доводилось обсуждать эту проблему и, опровергая эти выдумки, обычно приводил такой аргумент: “Кто так утверждает, никогда в своей жизни ничего не организовывал, даже какого-нибудь субботника в ЖЭКе, на который люди ходят добровольно. Даже там нужна чёткая организация, а без неё – потеря времени и результат, близкий к нулю. А в чрезвычайных условиях выполнение воли руководителя – обязательное условие успеха. По-другому не бывает. А утверждение, что можно побеждать вопреки полновластному руководителю, – вообще глупость”.

Василий Иосифович сказал коротко, как отрубил: “А я Сталина люблю”. Касаясь личности Сталина, нельзя не вспомнить мнение антисталинистов, утверждавших, что с его именем бойцы в атаке не ходили. Известный телеведущий Н. Сванидзе, например, как-то изрёк, что наши солдаты от страха кричали: “Мама!” и крестились. На эту ложь в своих книгах отвечает В. И. Чернов: “Бросались в атаку на врага с криком: “За Родину! За Сталина!” Совместно вспомнили, что А. Сурков, известный поэт, военный корреспондент, писал:

*— За Сталина! — кричал комвзвод.
И сквозь свинец, топча снега,
Мы с именем его вперёд,
Как львы, бросались на врага!*

Василий Иосифович подтвердил, что на фронте было именно так. Это четверостишие А. Суркова взято из его стихотворения “Вождь”. Поразительно, но факт: само стихотворение в сочинениях А. Суркова отсутствует. Кому-то, видно, оно очень не нравилось.

Николай ПИРОГОВ: Василий Иосифович, а что вы скажете о штрафниках, штрафбатах? Некоторые утверждают, что войну выиграли именно штрафники. Статьи есть на эту тему, фильм снят “Штрафбат”.

Ответ, как выстрел: “Враньё!”

Н. П.: Ну, а всё же, что вы знаете об этом?

Василий ЧЕРНОВ: Да, были штрафбаты, а также штрафные роты. Штрафбаты – для офицеров, а штрафные роты – и для офицеров, и для рядовых.

Н. П.: И за что туда отправляли?

В. Ч.: Например, майор Рейсер, начальник артиллерии полка, попал туда за то, что к назначенному сроку не прибыл в часть, опоздал прилично. А ведь это практически дезертирство.

Н. П.: И что, штрафники воевали до первой крови? Ведь так об этом всегда говорили?

В. Ч.: Нет, не только до первой крови. Если выполнили поставленную задачу, например, взяли штурмом какой-нибудь населённый пункт, все бойцы отправляются в свои части, им возвращаются и звания, и награды.

Н. П.: Много было штрафных подразделений? Что вам об этом известно?

В. Ч.: Много их всего было или мало, не знаю. У нас при полку была одна штрафная рота.

Н. П.: А что вы знаете о заградотрядах? Ведь они были. Сванидзе и компания утверждают, что они чуть ли не слагаемые нашей победы.

В. Ч.: Я вообще о них ничего не слышал и за всю войну с ними не сталкивался.

Н. П.: А вот есть ещё щекотливая тема: фильтрационные лагеря. Это когда после плена отправляют в лагерь для проверки. Как вы к этому относитесь? Я на 70-летию известного актёра Ножкина слышал, как он рассказывал, что его отец полгода просидел в таком лагере. И что интересно: утверждал, что с ним поступили правильно. Много было выявлено там немецких агентов.

В. Ч.: Это так. Шпионов, действительно, было много.

Н. П.: А как к плену вы относились? Допускали, что можете сдать? Вот мой отец, например, писал домой, что, дорогие, не волнуйтесь, я в плен не сдамся, если будет безвыходное положение – застрелюсь. Но ведь можно попасть в плен, потеряв сознание, раненым. А вот ещё такая точка зрения. Мой знакомый, на поколение старше меня, крупный, известный в стране строитель, в самом начале войны добровольно сдался в плен, не желая погибать в осаждённом немцами здании. Оправдывал это решение тем, что нет смысла напрасно погибать, когда остаётся возможность бороться. Что вы думаете на этот счёт?

В. Ч.: В плен не сдался бы никогда и ни при каких условиях. Ну, а раненым, без сознания – это уже не в моей воле.

Н. П.: Ну, а как вы к пленным немцам относились? Многие наши не могли сдержаться. И это понятно – столько горя они принесли. Простить трудно.

В. Ч.: К пленным относился, как к обычным заключённым. Строго, но корректно. Не допускал рукоприкладства и тем более издевательства со стороны моих подчинённых.

Н. П.: А вот ещё есть довольно пакостная тема, поднятая нашими либералами в последние лет десять. Вы, вероятно, слышали о Гаврииле Попове, в начале 90-х он был градоначальником Москвы. Так вот, он заявил, что мы, россияне, должны извиниться перед немцами за то, что наши солдаты в Германии изнасиловали то ли миллион, то ли полтора немок. Г. Попов очень грамотный, знающий человек, доктор экономических наук, профессор, в данном случае он не ошибается, а нагло, злонамеренно лжёт. Зачем – понятно: желает доказать, что немцы и советские люди одинаково виноваты, зверства, дескать, допускались с обеих сторон. А от этих “доказательств” – полшага к пересмотру итогов Второй мировой войны.

Известно, что в любой оккупационной армии случаи изнасилования – редкое явление. Отличия заключаются только в масштабах этих преступлений и в отношении к ним командиров и начальников. Изнасилования женщин немцами на оккупированных территориях СССР было явлением массовым, безнаказанным, более того, поощряемым самой фашистской системой. Это хорошо знали наши бойцы. И следовало ожидать, что они могут отомстить немцам, заплатят им, как говорится, той же монетой.

Руководство коммунистической партии и государства постоянно подчёркивало, что с мирным населением мы не воюем, что мы мстители только на поле боя. В бою жалость неуместна. Помните, вероятно, известный сборник статей И. Эренбурга “Убей немца!” (1942).

В. Ч.: Помню, конечно!

Н. П.: Но при этом, чтобы пресечь нарушения законности в отношении мирного населения, был выпущен не один циркуляр на эту тему. А если случались проступки, без последствий их не оставляли. Я, будучи пацаном-третьеклассником, слышал рассказ молодого полковника, жившего в соседнем дворе, как в Румынии в его части трибунал приговорил офицера за изнасилование 16-летней девушки к расстрелу. И расстреляли перед строем батальона. При этом сама потерпевшая и её мать, стоя на коленях, просили его помиловать. Как говорится, перегнули палку, но, видно, сделали это сознательно, в назидание другим. Вот как относились к этим преступлениям.

Василий Иосифович слушал, согласно кивал головой, подтверждал, что так могло быть. А потом сказал: “А я тоже одного расстрелял за изнасилование”. Этот случай описан Черновым в книге “Первый месяц после войны”, опубликованной в 2014 году, и я, конечно, читал о нём. По-доброму посмеявшись, говорю: “А вы знаете, я уже не хуже вас помню ваши фронтовые события”. Посмеялся и он.

Дело было в Германии. Батарея 120-мм миномётов, которой командовал капитан В. Чернов, располагалась недалеко от г. Грабов. Комбату доложили, что боец его батареи изнасиловал немку. Насильнику – 19 лет, командиру – 21. В возрасте разница минимальная, а по жизненному опыту – огромная, практически их разделила война. Командир решил не отдавать под суд этого негодяя, не желая позорить своё подразделение, да и наказать его хотел немедленно, чтобы другим неповадно было. Устроил имитацию расстрела, смертельно напугав преступника. Это было его серьёзной ошибкой, преступник мог от страха умереть, да и сам факт такого “расстрела” был незаконен. Не хватило комбату житейской мудрости. Да и откуда её было взять – парню всего 21 год! Василий Иосифович это, без сомнения, сейчас понимает, но не редактирует описание происшедшего с позиций сегодняшнего дня, а рассказывает всё так, как это было тогда.

Н. П.: Василий Иосифович, скажите, как вы относитесь к тому, что у нас воевало много женщин, причём занимая практически мужские должности: санитаров, снайперов, диверсантов, лётчиков. Правильно ли это? Ведь у тех же немцев этого не было.

В. Ч.: Моё мнение однозначно: конечно, неправильно. Этот труд не для женщин. Но, наверное, по-другому и нельзя было. Как известно, это была необычная война. Напрягали все силы, ведь вопрос стоял о существовании нашего государства. И женщины внесли огромный вклад в победу. Низкий им поклон за это.

Василий Иосифович женился в войну на красавице Лизе Кукушкиной, служившей санинструктором в роте автоматчиков. Лиза выполняла тяжёлую, опасную мужскую работу – спасала раненых под огнём врага. А труд этот,

по выражению Василия Иосифовича, более тяжкий, чем работа лошади в страду. Контуженная, попала в плен. Он считал, что жена погибла.

Какие муки приняла Лиза в плену, будучи беременной, сумев в нечеловеческих условиях сохранить рождённого в неволе ребёнка – дочку Викторию, – это отдельный рассказ. Он написан Елизаветой Николаевной. Без слёз его трудно читать. Всё вынесла и дождалась освобождения из плена. Сумела сохранить кандидатскую карточку члена коммунистической партии, не уничтожила её, хотя знала, что, если обнаружат, – это верная смерть.

Всё, что рассказывала Лиза особистам о плене, вызывало подозрение, особенно у тех, кто служил далеко от передовой. И в логике им было трудно отказать – то, что произошло с Лизой, не укладывалось в их головах. Так, по их мнению, не могло быть, это нереально и просто невозможно. Постепенно всё как будто утряслось, Лизе оформили документы, но оскорбительное недоверие осталось, в партии её так и не восстановили. Нашли повод – отчислили за неуплату членских взносов.

Однако случилось самое главное – Василий Иосифович нашёл её, свою жену. В августе 1945 года узнал, что она жива, а в сентябре встретились на её родине – в Калужской области, в г. Серпейске – и официально оформили брак, что не могли сделать во время войны.

С тех пор они не расставались. Умерла Елизавета Николаевна в 1985 году – долго болела после тяжелейшего инфаркта. Черновы вырастили троих детей: двух дочерей и сына. Все они нашли своё достойное место в жизни. Дочери стали учителями, сын – моряком.

Любовь, зародившуюся на фронте, Черновы пронесли через всю жизнь. И это чувство не могли омрачить даже те неприятности, которые постоянно создавал Василию Иосифовичу сам факт пребывания в плену его супруги.

Не будь этого, его карьера развивалась бы совершенно по-другому. Блестящий офицер, молодой, проявивший свои недюжинные командирские способности в экстремальных условиях, – ему бы в академии поучиться, и пошёл бы он, широко шагая, по служебной лестнице, щедро принося пользу Родине.

Не сложилось. Хотел учиться, но армейская мандатная комиссия ходу не дала, строго следя за “чистотой рядов”. Когда вспоминают то суровое время, то виновники неприятностей, чинившие их людям, часто объясняют свои действия фразой: “Время было такое”. Дескать, мы-то ни в чём не виноваты, от нас ничего не зависело, мы выполняли приказы, распоряжения. И не мы одни, все так делали.

Вспомнился эпизод из биографии маршала Жукова. На одном из заседаний в 1957 году, когда он был министром обороны СССР, Георгий Константинович “... в резкой форме напомнил двум или трём сидевшим за его спиной в президиуме заседания людям о прямой ответственности, которую они несут за события 1937–1938 годов.

В ответ на это один из тех, кому были адресованы слова Жукова, прервал его, сказав, что время было такое, когда приходилось подписывать некоторые документы, хотел ты этого или не хотел. И сам Жуков хорошо знает это. И если порыться в документах того времени, то, наверное, можно найти среди них такие, на которых стоит и подпись Жукова. Жуков резко повернулся и ответил: “Нет, не найдёте. Ройтесь, моей подписи вы там не найдёте”. (Цитирую по книге: Симонов К. М. Глазами человека моего поколения: Размышления о И. В. Сталине. – М., “Книга”, 1990. С. 299.)

Н. П.: Василий Иосифович, как вы относитесь к наградам? Вернее, к справедливости награждений. Моё мнение – соблюсти стопроцентную справедливость, конечно, невозможно. Субъективизм в этом деле в мирное время поразительный. А во время войны дело, наверное, обстояло по-другому?

В. Ч.: Да как сказать? Вопрос сложный. Всё зависело от многих обстоятельств. Вот представим себе: закончился бой. Солдаты смертельно устали. А какие заботы у командира? Определить, сколько раненых, сколько убитых, доложить начальству. Накормить надо живых, раненых – в тыл, похоронки написать и масса других дел. Оформлять наградные листы – в последнюю очередь. А бывает, что до этого и руки не доходят. Нередко случается, что так и остаются неотмеченными проявления героизма. На войне бывают, и довольно часто, и такие вот несправедливости. Например, выполняют войска отвлекающий удар и за все героические поступки награждения минимальные,

а то и вообще никаких. А вот на главном направлении награды раздаются щедро. Это и понятно: там ждут успеха, командование особо внимательно контролирует ход операции.

Н. П.: Да, вы правы. Например, заранее объявили, что за форсирование Днепра будут представлены к званию Героя полторы тысячи отличившихся. Всего же почётное звание Героя Советского Союза было присвоено 2438 воинам, участвовавшим в тех боях. Вас представили к Звезде Героя, практически, за форсирование Одера. А на Одере, судя по воспоминаниям участников боёв, плотность огня, напряжённость схватки превосходили днепровские. Но награждение не состоялось. Это, на мой взгляд, несправедливо.

В. Ч.: Всё это так. Но когда рассуждаешь о наградах, надо не забывать, что самая большая награда то, что ты остался живым, а ведь многие сильные, смелые, и их миллионы, погибли, ничем не награждённые. Так что трудно искать здесь справедливость, да и не нужно это. Я сам чудом остался жив. Много раз был рядом со смертью. Везение просто фантастическое.

Ещё до встречи с Василием Иосифовичем, я, читая его книги, всерьёз задумался о везении, о котором он сказал. У меня был друг, ныне покойный. Как и Василий Иосифович, молодым парнем он попал на фронт и воевал в противотанковой артиллерии. От него я узнал, что средний срок жизни обслуги противотанковой пушки – полторы танковые атаки. И то, что он остался жив, хоть и ранен был много раз, – это чудо.

А Василий Иосифович, пройдя через такую же мясорубку танковых атак, как мой друг, не только остался живым, но и ни разу не был ранен. Такое бывает только у подводников, ранения там большая редкость.

То, что после войны Василий Иосифович нашёл Елизавету Николаевну – не меньшее чудо. Ведь сколько людей, разлучённых, разбросанных войной, навсегда потеряли друг друга. А им повезло встретиться.

И ещё везение, которое воспринимается как обыденное явление. Ведь после выхода в отставку в звании полковника Василию Иосифовичу удалось практически прожить ещё одну жизнь. Закончил лесотехническое учебное заведение и 40 лет проработал лесничим. Кому-то хватило бы с лихвой только этой части его трудовой биографии на всю жизнь.

А разве не чудо, что в свои 93 года Василий Иосифович сохранил молодую память, хоть и жалуется, что она стала слабеть. Увлекался Маяковским, в школьные годы знал наизусть все его поэмы. И сейчас помнит многое из них. А его физической форме могли бы позавидовать мужчины, годящиеся ему в сыновья.

Писать книги воспоминаний начал в 70-е годы, чуть ли не 50 лет назад. На мой вопрос: “Как вы, Василий Иосифович, смогли запомнить не только множество фамилий, но и имена-отчества тех, с кем встречались в течение жизни?” Отвечает: “А я вёл записи, пометки ещё и во время войны”. Это тоже удивительно. Был бы он журналистом, писателем, – понятно, это их работа, а то – боевой командир, обременённый массой управленческих забот. И это тоже из разряда чудес.

Н. П.: Василий Иосифович, а ведь вы вряд ли задумывались над тем, что минимум 85 лет нашей истории прошли перед вашими глазами, вы их помните и знаете, вы живой свидетель нашей эпохи!

В. Ч.: Да, помню, пожалуй, кое-что и побольше, некоторые события – с трёх лет.

Пытаюсь шутить: “Не будем торговаться, 85 лет – это и так выше всех пределов”.

Беседа с Василием Иосифовичем и анализируя его жизненный путь, я не случайно проводил мысленное сравнение его поступков с действиями народного героя – маршала Г. К. Жукова. Мне виделась в этих людях очевидная, на мой взгляд, схожесть характеров. Масштабы событий, участниками которых они были, конечно, несравнимы, но личностные качества, которыми их наградила природа и воспитали семья, коммунистическая партия и советская власть, были в основе своей сопоставимы.

Честность, решительность, храбрость, верность долгу, патриотизм, терпение, неприхотливость, житейский ум, умение действовать в самых трудных обстоятельствах, наконец, здоровье и физическая сила – все эти качества не монополия этих двух личностей, это лучшие черты русского человека. Обла-

дающие этими качествами люди создали российское государство и в течение многих веков отстаивали его, как говорится, не щадя живота своего.

Роднит этих людей и общее происхождение – из простых семей, из сельской местности, где наиболее сильно проявляется чувство корневой близости к Родине. Эти люди берегли свою честь смолоду и всю свою жизнь, в какие бы условия их ни ставили обстоятельства. В. Чернов не оставлял без ответа хамство начальников, невзирая на возможные для себя последствия. Общеизвестны факты возражения, и довольно резкого и прямого, со стороны Жукова грозному Сталину. На это редко у кого хватало смелости.

Оба они, каждый на своём месте, Чернов – на уровне командира небольшой военной части, Жуков – командуя сотнями тысяч и миллионами бойцов, проявили себя выдающимися управленцами, обладая главным качеством руководителя – умением и желанием принимать решения и брать ответственность на себя.

В беседе мы затронули и тему патриотизма. Она сейчас особо модная, о ней много пишут и говорят с экрана телевизора. Василий Иосифович как-то осторожно, не навязывая своего мнения, отметил, что во время Великой Отечественной Войны наше общество было монолитно, едино, несмотря на то, что на оккупированных землях были и полицаи из бывших советских людей, и вла-совцы. Но их было всё же немного. Вот это единство и помогло победить. А сейчас не то. И случись такая же война, неизвестно, чем всё закончится.

Согласился с ним: действительно, тревога по этому поводу обоснованная. Поделился с Василием Иосифовичем своими соображениями по поводу воспитания патриотизма у молодёжи. Патриотизм – это любовь к Родине. И когда я читал ещё в советское время в призывах ЦК КПСС и Совета Министров СССР такой, например, текст: “Пионеры и школьники, любите свою Родину!” – это вызвало у меня саркастическую усмешку. Призывать любить Родину, по-моему, просто глупость. Это так же неразумно, как и советовать любить своих родителей. От Родины и от родителей, от того воспитания, что они дали своим гражданам и детям, зависит наличие или отсутствие любви к ним.

В наше время, когда говорят о патриотическом воспитании и подразумевают под этим рассказы о героическом прошлом нашего народа, часто ими и ограничиваясь, это занятие видится если не бессмысленным, то явно недостаточным. Родина, да и родители должны сделать так, чтобы дети их любили. Необходима атмосфера любви и заботы. Именно в этих условиях вырастают патриоты.

Что имеем сейчас? Забота государства о своём гражданине сводится к минимуму и с каждым годом всё сокращается. За детский сад надо платить, учёба в школе, хоть и бесплатная, тоже требует немалых средств, медицинское обслуживание всё больше и больше становится платным, в вузе бюджетные места сокращаются, а стипендия такая, что прожить на неё можно только несколько дней. Физкультура и спорт, кружки по интересам давно стали платными.

Такая “забота” государства не создаёт основания для патриотизма. Расхожая фраза, что служить в армии для молодого человека – это значит отдать долг Родине. Однако трудно понять, за что он задолжал. Вот такие невесёлые мысли приходят в голову при обсуждении сегодняшних реалий.

Поколение Черновых не нужно было призывать любить Родину, они её любили и знали, что Родина любит их. Государство в то время, обладая несравненно меньшими, чем сейчас, возможностями, всё делало для раскрытия способностей буквально каждого человека. И делало это бесплатно.

То, что у нас есть такие Черновы, их дети и внуки, всё же настраивает на оптимизм. Бывали в нашей истории тяжёлые времена. И сейчас у нас не лучший период. Но вспомним: началась война, и Черновы встали стеной на защиту Родины. Восемь человек из их родни воевали на фронтах Великой Отечественной Войны, из них шестеро погибли.

Народ наш талантлив, умен и самоотвержен. Трудности перемелются, и для ратных ли дел или мирного труда придут новые Черновы, Ивановы, Смирновы, и Родина наша окрепнет, заняв достойное место среди других народов.